

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 4 (85), 2014

УДК 902.2 (477.73)

Городище «Дикий Сад» в контексте социально-экономических и культурных связей балтийского и черноморского регионов XIII–XI вв. до н.э.

К.В. ГОРБЕНКО

Дан анализ археологических материалов городища «Дикий Сад» в контексте социально-экономических и культурных связей эпохи финального бронзового века. Городище занимало мыс обрывистого края плато левого берега реки Ингул (современный г. Николаев). На его территории были открыты жилища, хозяйственные, ритуальные и оборонительные сооружения, зафиксированы яркие образцы материальной культуры, которые указывают на контакты жителей Дикого Сада с соседними регионами ойкумены.

Ключевые слова: бронзовый век, белозерская культура, городище, цитадель, предместье, посад, оборонные сооружения, материальная культура, линейное письмо Б, помещения.

The archaeological materials from the hillfort «Wild Garden» in the context of socio-economic and cultural ties of the final era of the Bronze Age are analyzed. The hillfort occupied the Cape with steep edge of the plateau of the left bank of the river Inhul (modern Nikolaev). On its territory there were discovered dwellings, economic, ritual and fortifications, noted striking examples of material culture, which indicate exposure to residents of the Wild Garden with the neighboring oecumene regions.

Keywords: bronze Age, belozersk culture, hillfort, citadel, suburb, defensive installation, material culture, Linear B, apartments.

Городище «Дикий Сад» расположено при слиянии рек Южный Буг и Ингул. Во время своего существования (конец II тыс. до н.э.) оно занимало высокий мыс обрывистого края плато левого берега реки Ингул. Мыс со стороны степи ограждался оврагами и между ними – двумя рвами. Общая площадь сохранившейся территории – около 3 га. Конструктивно городище состояло из трех частей – «цитадели», огражденной рвом, «предместья», огражденного внешним рвом, и «посада», располагавшегося за внешним рвом. На этой территории исследованы жилые, хозяйственные, ритуально-культовые и социальные объекты [1, с. 8–10]. Архитектурные сооружения располагались рядами вдоль реки Ингул и практически примыкали друг к другу, создавая единый архитектурный комплекс (рисунок 1). Большинство исследованных помещений и сооружений возникли одновременно и локализуются на выровненной площадке. Культурный слой вне помещений практически уничтожен в новое время, а полученный в процессе исследования материал относится к эпохе финальной бронзы и характерен для ойкумены культур окружающих «Дикий Сад» [2, с. 53–55].

Время существования памятника по датировкам С¹⁴ укладываются в диапазон 1250 – 925 cal. BC. Сомнений о жизни памятника в таком большом временном диапазоне нет. Остатки жилых и производственных помещений, существовавших практически одновременно, несут следы ремонтов, перепланировки, появление на месте ранних помещений поздних другого типа, так что существование памятника более 250 лет вполне реально.

В геополитическом плане городище замыкало самую северную точку черноморского морского пути и контролировало основные меридиональные сухопутные пути по водоразделам: на северо-восток до Днепровских переправ восточного пути; на север в лесостепь; и на северо-запад в Центральную и Северную Европу, а также переправу через Южный Буг – путь в Балкано-Подунавье. Поймы рек с песчаными косами, с узким и мелким перекатом между ними – идеальное место для переправы наземных караванов и крайне неудобное место для судоходства. Одно из таких образований было и в районе слияния Ингула и Южного Буга. Таким образом, городище контролировало очень важный транспортный узел в виде переправ и удобной гавани. Все эти феномены зафиксированы в историческое время, и лишь подъем уровня воды за последние 50 лет скрыл, а местами размыл, эти образования. Возможно, в этом месте осуществлялась перегрузка с морских на речные суда с дальнейшим передвижением до Бугских порогов, где более удобный выход на водораздел Буга-Днестра (путь в Центральную Европу).

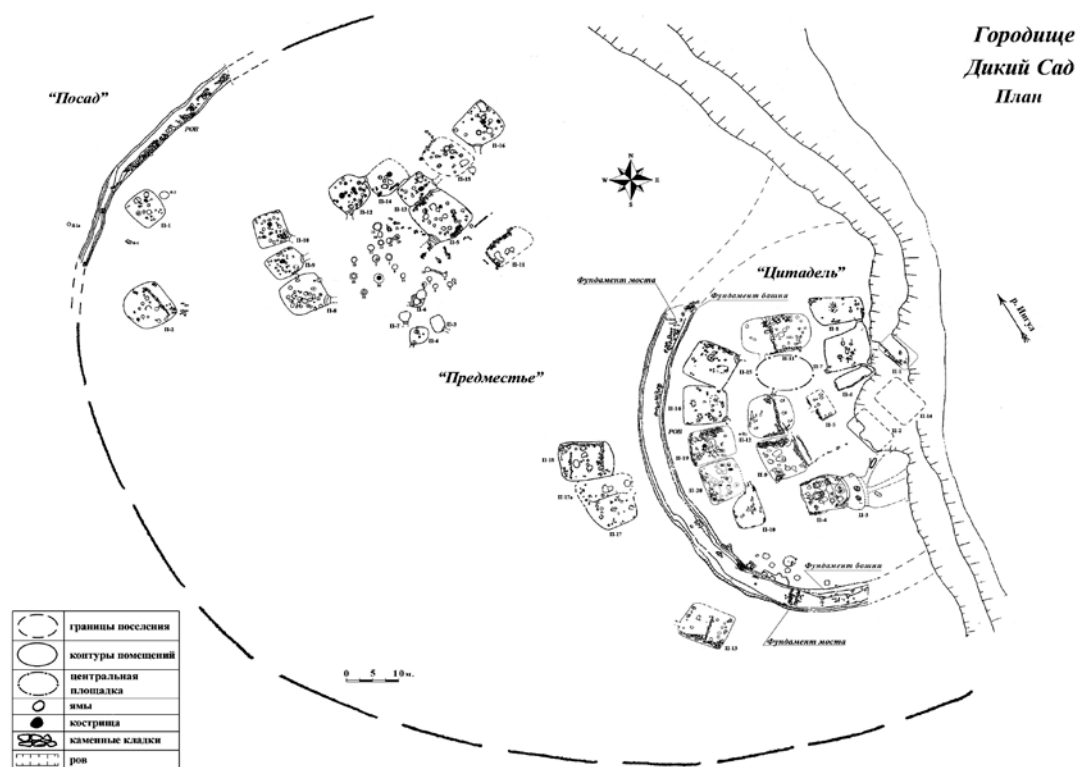

Рисунок 1 – План городища «Дикий Сад».

Анализ материальных артефактов позволяет выделить основные виды деятельности жителей городища, характер экономических и культурных связей, определить хронологические рамки и основные этапы существования памятника. Возможно также поставить вопрос об этнополитической ситуации в регионе в период глобальных климатических, экологических, а отсюда и хозяйственных изменений, происшедших в позднем бронзовом веке [3, с. 38–45].

Комплекс керамических предметов наиболее представлен и позволяет выделить основные формы (корчаги, кубки, вазы, черпаки, миски, горшки) и орнаментальные мотивы (прочерченные линии, вдавливания, валики, каннелюры), характерные для археологических культур Надчерноморской ойкумены.

В XII–X вв. до н.э. региональные связи лучше всего видны на таком типе керамики, как «корчага». Термин этот довольно расплывчатый и объединяет в основном сосуда больше, чем горшки, но меньше, чем «пифосы», т. е. керамические бочки, сосуды тарного типа, присущие южным, более урожайным регионам (в Диком Саде их с успехом заменяют различные ямы в полу помещений под навесами). Таких корчаг в коллекции два основных типа: широкогорлые (рисунок 2: 16–18), представленные единично, и более схожие с подобным типом посуды восточных регионов и узкогорлые (рисунок 2: 20–24), по сравнению с широким, почти шарообразным туловом, и имеющие аналогии в более раннем периоде нашего региона. Скорее всего, на позднем этапе существования памятника появляются высокогорлые, каннелированные корчаги центрально-европейского типа периода HaA1. К этому же кругу памятников относится большинство мисок и сосудов с налпами (рисунок 2: 9, 13), а также некоторые вазы, кубки и черпаки открытого типа с каннелюрами (рисунок 2: 6–8, 10–12).

Присутствуют также сосуды местного производства, но изготовленные с использование лекала, снятого явно с импортных образцов, прежде всего, характерных для ряда культур Балканского региона и Прибалтики. Образцами такого подражания (или прямого экспорта) являются необычный сосуд, вероятней всего погребальная урна (рисунок 2: 26–26-а), горшок с горизонтальными ручками (рисунок 2: 25), а также ваза с упором, над которым выделяется граффити с оригинальным символом $\wedge$ (рисунок 2: 5). Граффити напоминает символ линейного письма «Б». Аналогичные символы зафиксированы на керамическом диске из помещения № 4 на территории «цитадели» (рисунок 2: 1). Возможно, данные символы представляют знаки дробно-весовой системы, которая применялась в крито-микенской культуре.

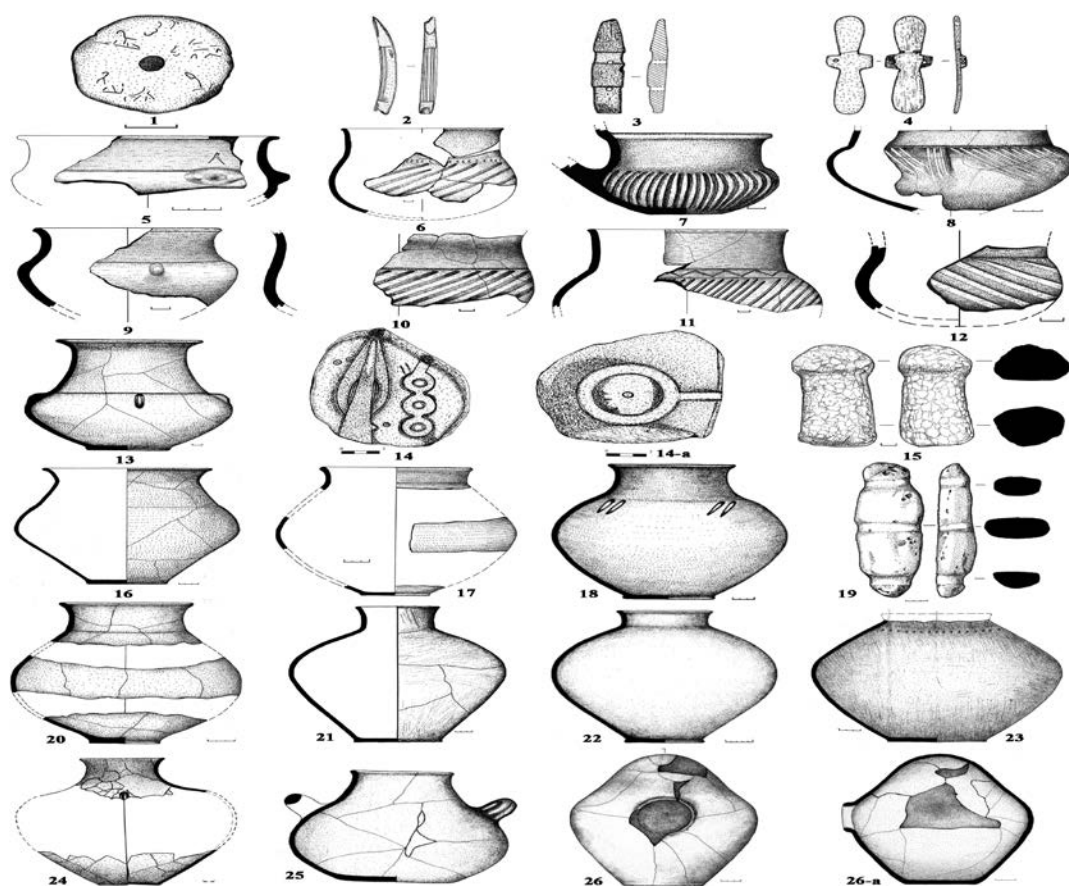

Рисунок 2 – Артефакты городища «Дикий Сад». Керамика – 5–13, 16–18, 20–26; керамический диск – 1; предметы из рога – 2–4; предметы из камня – 14–15, 19.

Анализ этих и других признаков (керамическое тесто, ангобирование, способы формовки) позволяет определить их происхождение как в идеальном воплощении (культурное заимствование), так и в материальном (место изготовления, сырье, мастер-изготовитель). Технологические особенности изготовления керамики дополнительных возможностей для выявления контактов с сопредельными регионами не дают, лишь примесь слюды в некоторых керамических фрагментах может свидетельствовать, возможно, об импорте из Трансильвании, где слюда является одним из отощителей.

Комплекс металлических изделий насчитывает более 70 предметов. Среди них кинжалы, ножи, ножи-пилки, шилья, два рыболовных крючка, фрагмент небольшого долота, булавки, кованые котлы, топоры-кельты 5 (типологических форм), наконечник дротика, серьга, браслеты, фрагменты пронизей, фрагмент фибулы, булавки, бронзовые бляшки. Типы изделий и анализ металла указывает на торговые контакты жителей городища в северном, западном и восточном направлении. Бронзовый нож и бляшка имеют прямые аналогии в материалах Карпатского региона. Типы кельтов репрезентируют восточный и западный регионы Причерноморья (типы Кардашинка, Negresti, Ruginoasa) [4, с. 70–74].

Многочисленны изделия из камня (более 150 предметов). Среди них – молоточки-куранты, растиральники, зернотерки, наковальни, литейные формы (рисунок 2: 14–14-а), гири для отвесов, песты, отвесы для ткацких станков (рисунок 2: 19), поделки из камня – фаллосы (рисунок 2: 15). Они дают информацию в двух аспектах:

1. Происхождение источников сырья (изготовленные из местных пород, которые добывались в долинах рек Ю. Буг и Ингул, и из пород, распространенных в других регионах – Южные Карпаты, Малая Азия, Средиземноморье).

2. Назначение орудий производства (исходя из трассологического анализа – орудия для обработки дерева, зерна, металла и другого сырья). На них выделяются приемы изготовления, продолжающие местные традиции и инновации, связанные с освоением новых заимствованных технологий [5, с. 25–29].

Изделия из кости и рога (более 120 предметов) относятся к местным типам и, вероятнее всего, изготавливались в мастерских городища. Среди них: псалии, «коньки», тупики, рукоятки для шильев, пластина для ременной узды (рисунок 2: 4) и т.д. Впервые найден такелажный инструмент – «свайка» (рисунок 2: 2), приспособление для кручения канатов (рисунок 2: 3) – наиболее вероятно инновация из Средиземноморья. Вероятней всего, принципиальная схема его изготовления пришла к нам из Средиземноморья, хотя, если принять во внимание, то обстоятельство, что мигранты XIII – XII вв. до н.э. из Средней и Восточной Европы названные «народами моря» имели свои корабли, то изготовление такелажного инструмента вполне могло быть и местной традицией. Этот предмет изготовлен из кости и, вероятнее всего, является не рабочим, а votивным предметом. Подобный инструмент, несомненно, применялся всеми навигаторами ойкумены, но изготавливался он, вероятнее всего, из твердых пород дерева, и поэтому не сохранился. Vотивные предметы предполагают определенный культ, а такой культ, все-таки, более характерен для народов, у которых морской промысел является основой жизнедеятельности.

В принципе, подобная ремесленная деятельность известна в нашем регионе в предыдущее время (сабастиновская культура), но появление новых типов изделий – псалии, пластина для ременной узды, такелажный инструмент соответственно предполагает и появление инноваций в технологиях изготовления. Изготовление псалиев возникло, несомненно, на местной основе. Об этом свидетельствует полностью выявленный технологический ряд: от заготовки до готового изделия.

Мастерская со столь полным технологическим процессом пока единственная во всем Евразийском регионе. Находки подобных псалиев на просторе от Дуная до Алтая позволяют утверждать о приоритете изготовления подобных изделий в нашем регионе. Можно также говорить о достаточной интенсивности использования средств передвижения (коней) и о постоянном торговом потоке в регионе.

Об определенных связях свидетельствует некоторое количество артефактов, не вызывающих сомнения в локации их происхождения. Причем эти артефакты не являются предметами обмена-торговли. В первую очередь это камень малоазийского (Эгейского) происхождения, попавший в виде балласта в регион после морских переходов. В этом же ряду стоят кости дельфина, остатки пищи моряков во время плавания. Косточки сушеного винограда также могли быть пищей моряков или дополнительным предметом торговли.

О миграции носителей, а не технологий, свидетельствуют антропологические данные (череп в культовых захоронениях). Можно поставить вопрос о миграции мастеров-домостроителей с технологией возведения глинобитных стен на каменных фундаментах с постелисто-ложковой системой кладки, ранее неизвестной в регионе.

Большинство углубленных сооружений «цитадели» и «посада» были жилыми помещениями [6, с. 139–144]. Они имели форму прямоугольника с овальными углами, длинной осью вытянутые вдоль реки Ингул. В них сохранились каменные кладки (цокольные конструкции и облицовки). Размеры помещений от 4–6 до 7–8 м, углубленность до 0,8–1,1 м. Наземные конструкции использовались жителями городища как хозяйственные сооружения – загоны для скота, мастерские, хранилища. В некоторых из этих помещений сохранились остатки каменных основ стен (цокольные конструкции). Стены были сложены из местного известняка в один ряд, от двух до пяти слоев с элементами перевязки. Крыши одно- или двухскатные. Пол утрамбован, со следами неоднократной глиняной подмазки. На уровне пола этих помещений находились хозяйственные, ритуальные и столбовые ямы, а также открытые очаги. Ямы были заполнены, также как и котлованы помещений, керамикой, костями животных, а некоторые ямы культового характера были преднамеренно засыпаны чистым грунтом, и иногда содержали захоронение человеческого черепа без нижней челюсти, панцирь черепахи, мелкие «гадательные» камни.

Культовые комплексы «цитадели» городища представляли собой углубленные конструкции с глинобитными стенами и каменными основаниями стен (облицовка и цоколи). Крыши двухскатные. Полы утрамбованы, со следами более тщательной, чистой глиняной подмазки. На уровне пола этих сооружений находились ритуальные ямы. Заполнение ям содержало в разных сочетаниях человеческие черепа, панцири черепах, кости животных, разные керамические сосуды, камни. Большинство таких ям были перекрыты кострищами.

Особенный интерес представляет наиболее ранний ритуально-культовый комплекс, состоящий из овального помещения с двумя большими кострищами по обеим сторонам от входа и специально вырезанным в склоне пандусом шириной около 1 м. Угол наклона пандуса составлял около 30^0 , а его длинная ось была направлена на летний восход солнца (наблюдение 21 июня). Анализ культовых помещений цитадели городища позволяет сделать вывод о том, что его жители отправляли разные ритуалы, связанные с поклонением солнцу, месяцу и огню (ритуальные ямы, культовый пандус), почитали духов предков и героев (захоронение черепов в специальных ямах), практиковали культ плодородия скотоводческой направленности [7, с. 338–343].

Оборонительные укрепления городища состояли из двух рвов (внешний ров вокруг «предместья» городища и центральный вокруг «цитадели»). Внешний ров проходил по оси юго-запад – северо-восток. Длина исследованной части 45 м, ширина 2–3 м, глубина 1,2–1,3 м от уровня материка (остальная часть рва была уничтожена современными постройками). В заполнении найдены фрагменты керамической посуды, каменные орудия труда, фрагмент каменной литейной формы для отливки кельта, кости животных, рог КРС. В юго-восточной стенке рва располагались большие известняковые плиты (камни сползли во внутреннюю часть рва). Каменные плиты имеют слабые следы обработки – слегка подтесаны. Исходя из расположения камней, можно предположить, что это была облицовка внутренней стенки рва. Возможно также, что эта кладка выполняла функцию фундамента ограды или оборонительной стены.

Ров, ограждавший «цитадель» укрепленного поселения, в форме большой дуги, протянулся по оси юго-восток – северо-запад. Длина исследованной части рва составляет 80 м (общая длина примерно 120–130 м), ширина 5 м, глубина 2,5–3 м от уровня материка. Ров заполнен золистым слоем, насыщенным керамикой, орудиями труда из камня, рогов и костей животных, бронзы, костями животных и рыбы, а также черепами и костями людей. В северной и южной частях рва зафиксированы каменные фундаменты для деревянных мостов [8, с. 100–104].

Таким образом, архитектурная композиция Дикого Сада дает возможность определить его как укрепленное поселение – городище с полным набором дефиниций данной социально-экономической структуры – «цитадель», «предместье» и «посад», за внешним рвом, культовые, административные и ремесленные сооружения.

От начала освоения территории сохранились объекты – помещение с «пандусом» и нижний культурный слой внешнего рва, отделенный от верхнего заполнения хиатусом. Керамический материал в этих объектах также типологически более ранний.

Второй основной этап представлен уже сложившейся системой планировки города – «цитадель», ров, «предместье», «посад» – что соответствует «классическому» определению понятия «город» – «urbs».

На нескольких объектах заметны следы разрушения и пожара. В заполнении помещений и рва найдены фрагменты черепов и отдельных костей человека. Но отсутствие наконечников стрел в культурном слое не дает возможности говорить о военном штурме городища.

Зафиксированные следы вторичного использования уже разрушенных помещений с сооружением более легких плетенных и камышовых стен и наличие керамики, характерной для степных курганных погребений более позднего времени, говорит об изменениях в регионе с началом железного века. Зафиксированные артефакты свидетельствуют о том, что «Дикий Сад», как социально-экономический центр – городище, перестал функционировать и использовался как традиционный административно-культовый центр для далеких торговых связей. Об этом свидетельствует и практическое отсутствие материалов в верхней части заполнения рвов.

Опираясь на весь комплекс археологических материалов городища можно утверждать, что «Дикий Сад» на протяжении XII–XI ст. до н.э. играл роль экономического, культурного, религиозного и политического центра Юго-Восточной Европы. Кроме этого, материалы городища «Дикий Сад» указывают на контакты населения Степного Побужья с населением окружающих территорий ойкумены.

Весь комплекс доказательств подобных контактов можно сформировать в следующие группы:

1. Особенности планировки городища (соединение местных и пришлых архитектурных традиций, особенно в сфере фортификации оборонительных сооружений).
2. Синкретичный характер керамической посуды, которая имеет аналогии среди Эгейского и Балканского круга культур.
3. Каменные предметы, изготовленные из малоазийских и центрально-европейских пород, которые попали на городище в следствии экономического обмена.
4. Наличие в хозяйственных и культовых ямах зерен культурного винограда, который в то время не выращивали в нашем регионе (виноград мог попасть на территорию городища только с территории нижнего течения р. Дунай).
5. Бронзовые предметы, изготовленные из сырья западных регионов (Карпатских и Дунайских).

Таким образом, исходя из всего вышеизложенного, можно прийти к выводу, что городище «Дикий Сад» стало важнейшим стратегическим центром благодаря наличию хозяйственных помещений-хранилищ, ремесленных мастерских и развитой системе оборонительных сооружений, что в совокупности гарантировало защиту в военном плане; социально-политическим – вследствие наличия социальной дифференциации общества, когда на центральной площадке «цитадели» собирались мужчины-войны во главе с вождем (аналог гомеровской «агоры» – места для собраний); сакральным – вследствие наличия ритуально-культовых комплексов, в которых отправлялись различные культы. Подобная ситуация была традиционной для многих культур Евразии II тыс. до н.э., что свидетельствует о том, что жители Дикого Сада были знакомы с различными традициями эпохи бронзового века и доказывает наличие контактов населения Степного Побужья с регионами Циркумпонтийской и Балтийской ойкумены на рубеже II–I тыс. до н.э.

Литература

1. Горбенко, К.В. Городище «Дикий Сад» у XIII–IX ст. до н.э. / К.В. Горбенко. // Науковий щоквартальник «Емінак». – Миколаїв, 2007. – № 1 (1) (липень-вересень). – С. 7–14.
2. Горбенко, К. В. Характер и структура архитектурных сооружений поселения эпохи финальной бронзы «Дикий Сад». / К.В. Горбенко. // Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий: сб. науч. работ. – Донецк, 2000. – С. 53–55.
3. Матеріальна культура жителів укріпленого поселення ««Дикий Сад»». / Науковий вісник Миколаївського державного університету. – Вип. 11. Історичні науки : зб. наук. праць. – Миколаїв. МДУ, 2005. – С. 38–45.
4. Дергачев, В.А. Металлические изделия. К проблеме генезиса культур раннего Гальштата Карпато-Данубио-Нордпонтийского региона. / В.А. Дергачев. – Кишинэу, 1997. – 104 с.
5. Горбенко, К.В. Кам'яні предмети з колекції артефактів городища «Дикий Сад» / К.В. Горбенко // Науковий вісник Миколаївського державного університету імені В.О. Сухомлинського. – Вип. 3.33. Історичні науки : зб. наук. праць. – Миколаїв : МНУ ім. В.О. Сухомлинського, 2012. – С. 10–30.
6. Горбенко, К.В. Исследования укрепленного поселения «Дикий Сад» в 2006 г. / К.В. Горбенко // Археологічні дослідження в Україні 2005–2007 рр. : зб. наук. праць / ред. Н.О. Гаврилюк. – Вип. 9. – Київ-Запоріжжя : ІА НАН України, Дике Поле, 2007. – С. 139–144.
7. Горбенко, К.В. Ритуально-культовые сооружения поселения «Дикий Сад» в контексте этнокультурных связей поселения Степного Побужья эпохи финальной бронзы. / К.В. Горбенко. // Научные труды МГПУ. Серия: социально-исторические науки. – Москва, 2001. – С. 338–343.
8. Горбенко, К.В. Розкопки укріпленого поселення «Дикий Сад» у 2004 р. / К.В. Горбенко, В.Б. Панковський, Ю.С. Гребенников // Археологічні дослідження в Україні 2003–2004 рр.: зб. наук. праць / ред. Н.О. Гаврилюк. – Вип. 7. – Київ : ІА НАН України; Запоріжжя : Дике Поле, 2005. – С. 100–104.